

Николай ЛЕВЧЕНКО

член Союза писателей России

От редакции. Умение видеть мир в многообразии, замечать новые стороны в привычном, ловить отзвук неведомого – всё это доступно поэтам и художникам, чутким к тайнам бытия. Чтение нового эссе Николая Левченко, соединившего эти ипостаси с призванием врача, вызывает удивительный эффект: желание «найти это своё крыло и довериться его лёгкой упругости».

КРЫЛЬЯ КОВИДА

Оптимистические размышления в невесёлые времена

Не подумайте, что я пытаюсь восславить ковид. Вирус, как простейшая форма жизни, этого не достоин. По этой же причине и осуждать его смысла нет, живёт он и живёт, как может, находя бреши в нашем иммунитете. А наш иммунитет – это уже не вируса дело, а наше, и отвечает за него не он, а мы сами.

Далее речь пойдёт не о титрах антител в нашей крови, а о житейском опыте, извлечённом из этой проклятой пандемии. Наверное, у каждого он свой и может быть довольно простеньким, вроде того, что не стоит лишний раз встречаться с кем попало и без особой нужды, что мы раньше делали, даже странно, насколько необдуманно. Нет, братец, научила нас эта блуждающая нуклеиновая молекула: не стоит с кем попало и без нужды. Каждое приближение к другому должно быть осмысленным и драгоценным, каждый разговор должен быть таким, из-за какого не жалко заболеть. А если тебе за шестьдесят пять, то и умереть можно за эту самую встречу. Так что оставим для себя контакты только самые драгоценные, не будем подходить к кому попало и говорить о чём попало, не будем этой суетой обеспечивать размножение агрессивных нуклеиновых молекул.

А что, вывод простенький, но ценный. Но автор этого текста, имеющий склонность к сочинительству, обязан иметь мыслишки не только простенькие и короткие. Нет, он обязан строить мыслительные конструкции более изощрённые. Ведь и линии человеческой жизни довольно извилистые, редко напоминая прямые, соединяющие точку А с точкой Б. Вот я и пытаюсь проследить за извилистым ходом этих самых житейских линий, закрученных вирусом, как его собственная спиральная нуклеиновая молекула.

В разгар первой инфекционной волны, или инфекционной войны, разрывы снарядов стали всё чаще и ближе. Тихая обыденная жизнь вдруг приобрела вид самого настоящего сражения, где друзья, товарищи или знакомые вдруг оказывались ранеными или даже убитыми. И если уж сравнивать пандемию с войной, то это был худший её вариант – оборона с неясными обстоятельствами, сроками и слухами об окружении. Тем более что сводки «информбюро» доверия не вызывали. С этих боевых позиций всё прошлое мирное существование казалось сплошным глотком счастья.

Впрочем, я сам врач и догадывался о брэнности жизни и раньше. Знаете, уже на первом курсе студент любого медвуза обращает внимание, что у входа на кафедру анатомии висит афоризм, иногда по латыни, иногда по-русски: «Это место, где смерть помогает жизни». Позднее я убедился, что она помогает не только здесь. Шепчет о скоротечности и хрупкости земного существования на похоронах старого товарища или просто знакомого, прямо говоря, что остаток собственной жизни стоит пересмотреть с целью придания ей большей осмысленности. Вот так ощущение близости смерти помогает полюбить жизнь, пусть даже и небольшой её остаток.

В эту самую пору глухой ковидной обороны инстинкт выживания сам искал спасительные рецепты и, похоже, их находил. Вдруг периоды возрастной бессонницы оказывались не тягостными и бесполезными, но плодотворными. Возможно, подсознание и за эти, ранее никчёмные, куски жизни старалось быть благодарным. То оно начинало нашёптывать среди ночи какие-то необыкновенные планы и обещать их непременно осуществление, как будто наличие ярких и увлекательных перспектив способно повысить устой-

чивость к зловредному вирусу. Перспектив совершенно разного характера: или что-то по-новому написать, или нарисовать, или вообще замутить что-то величественное и необыкновенное, на что раньше духа не хватало. Но теперь, когда вражеская вирусная нуклеиновая кислота могла в любую минуту отнять всякие перспективы, трусить и сомневаться было неуместно.

Я стал замечать, что утренние часы с момента пробуждения наполняются необыкновенной бодростью: это грандиозные и отчаянные планы уводили взгляд куда-то за житейские горизонты. Утренняя ходьба на работу неожиданно приобрела вид молодой и быстрой походки, даже с залихватскими попытками оторваться от земной поверхности. Хорошо, что по утрам улицы малолюдны, и экзотическое поведение пожилого джентльмена не привлекало внимания.

Но враг не дремал, и на работе то вместе, то поврозь начали возникать ковидные санитарные потери, к счастью, не безвозвратные.

В какой-то день ухнуло совсем рядом: жена сказала, что у неё высокая температура и прочая симптоматика, к счастью, не особенно тяжёлая. Жена не врач, и мне пришлось изображать наличие ума – медицинского и природного. Эти бесценные качества говорили, что на всякой войне самое опасное и безнадёжное – паника, а самое главное – совсем не антибиотики, а собственный оптимизм, юмор и полноценное питание, обогащённое витаминами и белками. И ещё – вера в победу.

Жена вскоре поправилась, что было хорошо, и я не заболел, что было тоже неплохо. Скорее всего, меня спасла неведомая случайность, но я по природе романтик и в силу этого склонен был искать более романтические причины. Заключались они в состоянии лёгкой эйфории, душевного подъёма или даже некоей азартной лихости перед лицом инфекционной угрозы. Это состояние можно было обозначить с помощью труднопереводимого русского восклицания: «А, бляха-муха!»

Верующий на моём месте объяснил бы это сложное чувство более кратко – Божьей помощью. А кто вам сказал, что я не верующий? Но всё же – на Бога надейся, а сам не плошай! Так вот эта подъёмная сила и делала мою походку уверенной, лёгкой и быстрой.

Но физика говорит, что подъёмная сила зависит от скорости движения вперёд и плотности встречного потока.

Напрасно мечтать о попутном ветре – он облегчает движение, но лишает подъёмной силы. Нет, только встречная упругая волна сжатого воздуха способна оторвать нас от земли, и не надо роптать, надо благодарить встречный напор вся-

ческих житейских препятствий – это они позволяют взлетать.

Главный участник подъёмной силы – крыло. И вот образ этого крыла я дарю вам как человек, придумывающий всякие художественные образы в прозе, стихах или рисунках. Но всё же сквозь эти экзотические занятия просвечивает моя главная работа в жизни – быть врачом и учителем врачей. Так вот, я дарю вам образ крыла, попытаемся его внимательно разглядеть.

Может быть, вы ощущали его упругую лёгкую твердь, когда держали в руке тельце голубя с его часто бьющимся сердечком. А может, вы вертели в руках обронённое какой-то иной птицей перо и поражались его совершенству, удивительно таящему в себе прочность и лёгкость одновременно.

Совсем не зря Европа именно птичьим пером за века собственного существования написала главные книги, физические, математические формулы и ноты симфоний или опер – всё, что сопровождалось ощущением полёта и передавало это чувство другим. Вот на что было способно перо в руке!

Если вы в состоянии всё это представить, значит, у вас тоже может появиться это самое крыло с маховыми перьями. Человек ведь так устроен, что самые разные вещи готов примерять на себя и влезать в самые разные обличья.

Так вот, каждое утро я старался найти это своё крыло и довериться его лёгкой упругости.

Книжечка, которую я так долго вымучивал, откладывал и не решался домучить, вдруг стала наполняться самыми разными рисунками, часто вылетающими на одном дыхании и от того лёгкими и ясными. Книжечка быстро сложилась, и в глазах пока немногих свидетелей выглядела и необычной, и красивой. Удивительно быстро нашлись и чудная книжная дизайнер Наташа, и приветливая типография, и люди, готовые этой типографии немного заплатить за издание невиданного литературного и полиграфического шедевра.

Как только вышли первые сигнальные экземпляры, шедевру стали предрекать какую-то большую премию. Впрочем, дело это было уже не моё, я своё сделал, и не просто сделал – а с чувством исполненного полёта. И удивительно – без малейшей усталости, похоже, крыло несло меня само.

Вслед за этим позвонила одна большая фирма и сообщила, что после ремонта своих помещений у них возникла идея украсить их моими акварелями, причём за приличные для меня деньги. Деньги оказались обстоятельством весьма приятным и лестным, но не главным. Шутки шутками, а ковид ковидом: он может припомнить мне мои шестьдесят пять плюс. Но я к этому был уже готов, ловко пристроив свои акварельные шедевры в контору,

где они будут бережно храниться, находясь на инвентарном учёте. Почти как в Эрмитаже.

Это было поводом заказать через интернет запас дорогой акварельной бумаги, которая теперь каждый день лежала и ждала, призывно белея, как обнажённая Маха или Олимпия. Они не могли допустить, что мне шестьдесят пять плюс, и на этом фоне могут происходить различные неудачи.

Но я-то помнил про свои рискованные шестьдесят пять плюс, когда занимался медициной со студентами. Я допускал, что каждый день мог оказаться финальной арией моей долгой преподавательской оперы, и, кажется, никогда ранее не источал такого желания сделать своих питомцев умнее. И они, прямо на глазах, благодарно умнели, что было для меня самого удивительно и крылоподъёмно.

Я помнил про свои шестьдесят пять плюс, когда ставил редкие диагнозы в своём микроскопе и показывал их молодым докторам гораздо чаще и обстоятельней, чем в менее зрелом возрасте шестьдесят пять минус.

Чтобы окончательно отрезать пути к позорному отступлению, я приобрёл парочку неплохих и недешёвых фотообъективов, перспективы применения которых сулили ещё очень долгую жизнь.

На всём этом оптимистичном фоне ковид начал казаться не страшнее дизентерии. Обнаглевшее воображение начинало рисовать даже смерть от ковида как пример большой удачи. Не верите? Сейчас поверите, поверите, как миленькие.

Дело в том, что не так страшно умереть, как страшно умирать. Не стоит страшиться смерти именно в силу её неизбежности. Другое дело, когда тебе шестьдесят пять плюс, начинаешь размышлять о разных возможных вариантах увертюры этого собственного отъезда. Например, о варианте неожиданно оказаться в сомнительной компании иностранных агентов Альцгеймера и Паркинсона. Впрочем, эти ребята покажутся гуманистами по сравнению с вариантами другими, атрибутами которых могут быть пролежни, колостомы и калоприёмники. Может, вам и рановато, но вот мои сверстники начинают потихоньку мечтать о существовании некоей магической кнопки, маленького такого рубильничка или выключателя.

Среди этих утопических мечтаний ковид может показаться своим парнем, способным легко организовать за два-три дня дальнюю командировку в один конец. И никто вас не запомнит больным, истощённым, измучившим близких и теперь невинно лежащим в гробу, потому как тот окажется надёжно закрыт от чужих нескромных взглядов. Не успев увидеть вас мёртвым, какие-то друзья-приятели будут считать вас по-прежнему

живущим среди них. Согласитесь, это не так уж и плохо.

Так вот, ковидный год сопровождался многими неожиданными озарениями, открытиями и достижениями, но, пожалуй, не это оказывалось самым главным и удивительным, что попробую объяснить.

Возможно, самым счастливым обстоятельством собственной жизни я всегда считал доброе отношение окружающих к моей скромной персоне. Следуя нехитрому житейскому инстинкту, я старался, как мог, не наживать себе врагов и, наоборот, увеличивать число доброжелателей. Безо всякой видимой выгоды, просто такой инстинкт. Худо-бедно, но это, похоже, удавалось, и от множества знакомых и незнакомых я испытывал доброе отношение к себе. Оно и славно.

Но вот в злосчастные ковидные времена это встречное тёплое течение Гольфстрим только усилилось, и усилилось многократно. Люди незнакомые с каким-то странным интересом начинали смотреть на меня, другие, знакомые мало, вроде продавцов в магазинах, каждый раз от чего-то улыбались и пытались заговаривать. А уж с людьми более знакомыми творилось что-то невообразимое. Они по малейшему поводу расхваливали меня и всё, что мне удавалось сделать. Не для них, а вообще. И ещё – они наперебой просили меня беречь себя.

Можно по-разному объяснять это мистическое обстоятельство, попробую предложить свою версию.

Вполне возможно, окружающие мгновенно чувствовали присутствие при моём появлении этого самого крыла и тоже начинали ощущать в себе его лёгкость и упругость. Как-то чувствовали, хотя снаружи у меня ничего не торчало, проверял. Но всё же оно как-то угадывалось то ли во взгляде моём, то ли в голосе, и было нужным всем этим встречным людям, одуревшим от испуганной неизвестности и спёртого воздуха квартирных блиндажей. Не бойтесь, невольню говорю я то ли взглядом своим, то ли обертонами своего старого прокуренного голоса. Уж если мне дано испытывать торжество подъёмной силы в мои шестьдесят пять плюс, то что стоит вам?

Не подумайте, что я вижу себя человеком мудрым, бесстрашным или наделённым какими-то необычными качествами, совсем нет. Скорее, я вижу себя просто врачом, который когда-то очень давно узнал, что смерть способна помогать жизни, и все последующие годы благодарно размышлял об этом.

27 февраля – 9 марта 2021 г.